

ПРОЛОГ

Прошлое

Жить всегда было страшно, и бояться приходилось многого: грозных проповедей в молитвенном доме, колючего взгляда старца Иеремии и его яростных слов; гнева отца, долгих нравучений, за которыми неизбежно следовали удары суковатой палкой по спине и ногам.

Страшно было не справиться с порученным делом и в наказание лечь спать голодным; получить подзатыльник от старшего брата, увидеть брезгливые взгляды сестер. Страшно знать, что никто никогда не поспешит на помощь — даже мать, которая и сама всегда ходила, пригнувшись к земле, втянув голову в плечи в ожидании очередной затрещины.

Но то были страхи простые и понятные, всегдашние и привычные. Так пугала Жизнь — су-

Черные души праведников

ровая и неприятная, особенно жестокая к маленьким мальчикам-калекам. В последнее время все изменилось, потому что пугать стала Смерть и ее подручные.

Месяца три назад отец сказал детям за ужином:

— Вы должны ценить отца и мать. Без них вы — ничто! Мелкие букашки, которых всякий сапогом раздавит. Родители — преграда между вами и сырой могилой. Не станет нас — вы следующие! Никогда об этом не забывайте, и вечером, ложась спать, истово молитесь за наше здоровье и пребывайте в страхе: вдруг кто-то из нас не откроет поутру глаз?

Мальчик был младшим сыном в семье. Старшие дети привыкли к подобным замечаниям и отнеслись к очередному наставлению отца почти равнодушно. Хотя виду, конечно, не подали: поспешно склонили над тарелками головы ниже обычного, спрятали глаза от зоркого взгляда родителя, который не потерпел бы пренебрежения к своим словам. Отец верил, что уважать — значит бояться, и научил верить этому постулату своих детей и бессловесную забитую жену.

Глупый и наивный, мальчик испугался отцовских слов до дрожи. Несколько ночей он не мог заснуть: то и дело принимался молиться, опасаясь, что делает это недостаточно хорошо и что Господь его не услышит. Молился усерд-

АЛЬБИНА НУРИ

но, порой даже заливаясь слезами, только это не помогло.

Сначала, когда умерла вдова Горана, что жила в доме на окраине деревни, а вслед за ней, на следующую ночь — старик Петер, никто не связал их смерти с *тем* событием. Но потом, когда умерших стали находить каждое утро и покойники появились в каждом доме, сомнений ни у кого не осталось.

В семье мальчика первой не проснулась мать: ушла из жизни тихо и неприметно, как жила. Уже на второй день после поспешных похорон поутру нашли недвижимым и бездыханным старшего брата.

Вслед за ними в иной мир отправились сестры-близнецы. Неразлучные в жизни, они и умирая не пожелали расставаться.

Последним не встретил очередного рассвета отец. Он цеплялся за жизнь сильнее других, но и ему не удалось остаться. К тому времени, как мальчик поглядел в его мертвое серое лицо, в деревне не осталось никого — зато на кладбище не хватало места, чтобы принять новых обитателей.

Помочь мальчику предать отца земле было уже некому.

Он остался единственным жителем вымершей деревни.

Черные души праведников

Наши дни

Его разбудил аромат кофе, словно он был героем рекламного ролика.

«Какая пошлость», — мелькнуло в голове.

Все тело ныло и болело, как будто он с вечера переусердствовал в тренажерном зале. Или всю ночь разгружал фуры на продовольственном складе — было такое в далекой юности.

Он сбросил одеяло и открыл глаза. На широкой двуспальной кровати, застеленной канареечно-желтым в тонкую синюю полоску бельем, он лежал один.

Ну конечно. Запах кофе. Она уже встала и ушла на кухню.

«Она?»

Он отмел не успевшую оформиться мысль и встал. Голова слегка кружилась и побаливала — с правой стороны сильнее. Он поднял руку и осторожно ощупал череп. Коснувшись шишки на лбу, зашипел от боли.

«Я что, перебрал вчера и подрался с кем-то? Или упал?»

Ладно, позже разберемся. Он бросил взгляд в сторону окна. Занавески были плотно задернуты. Что там, за ними?

Отвернувшись от окна, он нахмурился, потому что вспомнить не удавалось.

Прикроватный коврик был маленьким, пришлось наступить на холодный пол, чтобы дотя-

АЛЬБИНА НУРИ

нуться до джинсов и водолазки, которые висели на спинке стула. Пол неприятно холодил ступни, но, к счастью, на глаза попались тапочки. Серые, казенно-больничные.

Полностью одетый, он вышел из спальни. Вторая комната была просторной и чисто убранной. Все вещи на своих местах. Как раз так, как ему нравилось.

«В жизни не встречала парня, который был бы так помешан на порядке! За тебя и замуж страшно, будешь докапываться до каждой невымытой чашки!» — произнес в его голове веселый женский голос. Зазвенел смех — чуть хрипловатый, но мелодичный.

Кофейный аромат здесь был густым и пьянящим. Ему захотелось сесть за стол и налить себе полную кружку, с молоком и сахаром. Не меньше трех ложек — он любил сладкое.

Женщина стояла спиной к нему, намазывала масло на хлеб. Он двигался почти беззвучно, но она услышала. Услышала, но не обернулась, чтобы поприветствовать. Шея ее была напряжена, в повороте головы и движениях рук угадывалось нечто неестественное — так двигаются люди, когда знают, что за ними наблюдают.

Но зачем ему наблюдать? И зачем скрывать свое присутствие от собственной... Он почувствовал, что снова ступил на опасную территорию, и поспешно произнес:

— Пахнет изумительно.

Черные души праведников

Она вздрогнула, нож упал на пол, но женщина не стала нагибаться, чтобы поднять его. Вместо это обернулась. Страх, застывший на ее лице, напугал его, хотя он все еще и не понимал, почему и чего ему нужно бояться.

— Доброе утро, — проговорила она, глядясь в его лицо.

Он тоже смотрел — смотрел не отрываясь, будто приклеившись взглядом. Молодая женщина была исключительно хороша: большие глаза, тонкий нос с небольшой горбинкой, скульптурно вылепленные скулы. Восхищенный, очарованный, он разглядывал каждую черточку, думая, что хотел бы запечатлеть это лицо — на фотографии, на бумаге или холсте.

Мог ли он забыть такую женщину, увидев однажды? Исключено! Почему же он понятия не имеет, кто она?

— Мы спали вместе? — брякнул он, от растерянности не успев задуматься над своими словами.

Продолжая все так же неотрывно глядеть на него, женщина подошла ближе. Ростом она была намного ниже, едва доставая ему до плеча — настоящая дюймовочка, хрупкая фарфоровая статуэтка.

Страх в ее глазах уступил место глубокой печали, как будто то, что она видела, причиняло ей боль. Она приблизилась почти вплотную, подняла руку и коснулась его лица. Прикосновение было легким, а ладонь — прохладной.

АЛЬБИНА НУРИ

— Как твоя голова? Болит еще? Тебя не тошнит?

Он неопределенно пожал плечами.

— Ты что, ничего не помнишь?

— Мы знакомы? — беспомощно спросил он.

И как только задал вопрос, в этот самый миг — вспомнил. В голове словно взорвали гранату: что-то полыхнуло, грохнуло, и защитная преграда, которую, видимо, выстроил его мозг, рухнула. Он прижал руки к лицу и закрыл глаза. Пальцы, плотно прижатые ко лбу и щекам, показались чужими, принадлежащими кому-то другому, не ему самому.

— Боже, — прошептал он, — так это правда? Все случилось на самом деле?

ЧАСТЬ I

ПЛАВА ПЛАНИНА

ГЛАВА 1

— Теперь точно опоздаем на самолет, — сказала Юлиана.

Матвей с трудом подавил раздраженный вздох. Не сказать, что они долго знакомы и он успел узнать Юлиану как свои пять пальцев, но одно понял точно: стакан для нее всегда наполовину пуст.

— Не нагнетай. Успеем.

Девушка недоверчиво покачала головой, и на какой-то миг Матвеем захотелось вытолкнуть ее из машины.

Такси двигалось в автомобильном потоке со скоростью, которую можно было назвать черепашьей. Только это слишком уж банальное сравнение, недостойное человека, который считается одним из лучших и перспективных казанских журналистов.

АЛЬБИНА НУРИ

— У нас еще три часа в запасе, — ровным тоном проговорил Матвей. — Не о чем волноваться.

Юлиана поерзала на сиденье, но больше, к счастью, ничего не сказала.

Матвей был прав: они успели. Пробка вскоре рассосалась, и спустя десять минут они уже выгружали вещи из багажника перед терминалом «Д».

Два большущих бордовых чемодана на колесиках принадлежали Юлиане — бог знает, чего она туда напихала. Поездка предстояла короткая, всего-то несколько дней, к чему тащить с собой столько вещей? Сам Матвей взял одну сумку. Еще при нем были фотокамера и ноутбук.

Они благополучно сдали багаж, прошли таможенный и паспортный контроль и оказались в зоне ожидания.

— Зачем мы приехали в такую рань? — Юлиана сморщила точеный носик. — Вылет через час с лишним!

«Конечно. Помним про полупустой стакан!»

— Как говаривала моя матушка, лучше *перебдеть*, чем *недобдеть*. Главное, что мы не опоздали, верно?

Юлиана улыбнулась, и Матвей чмокнул ее в кончик носа.

— Хочешь кофе? — спросил он.

— Издеваешься? Он у меня скоро из ушей полетит. В жизни не пила так много кофе — от него портится цвет лица.

Черные души праведников

Кофе и правда пили все утро: в кафе за завтраком, в редакции популярного московского журнала, куда Матвею нужно было заскочить по делам.

— Не ворчи. Этот факт не доказан. Не хочешь кофе, может, пообедаем?

— Мы же пообедали! Ты чудовище и проглот! — притворно возмутилась Юлиана. — Как можно столько есть?

— У меня нет безупречной фигуры, которую стоило бы беречь. Мою портить не жалко. Пойду разыщу какой-нибудь фастфуд. Съем жуткий холестериновый бургер.

Оставив Юлиану в зале, он отправился на поиски еды. Ел Матвей и правда много, но не поправлялся, хотя занятий спортом терпеть не мог и вообще ничего не делал, чтобы держать себя в форме. Никаких личных заслуг и силы воли — только правильные гены.

В зале было полно народу. Людские потоки, похожие на полноводные реки, текли, волнуясь и бурля, вдоль стен-берегов. Мужчины и женщины всех возрастов и национальностей спешили в разные стороны, говорили на разных языках, заходили в бутики за баснословно дорогими журналами или безделушками, искали взглядами информационные табло.

Почти все кресла были заняты: пассажиры дремали, читали, говорили по телефону в ожидании вылета. Взгляд Матвея упал на девушку,

АЛЬБИНА НУРИ

закутанную в короткое белое пальто из искусственного меха, которая спала в кресле возле окна.

У девушки были длиннющие черные ресницы, похожие на крылья диковинной бабочка, и короткие светлые волосы. Тонкие пальцы, сжимающие воротник пальто, были сплошь унизаны серебряными кольцами, на ногтях поблескивал серебристый лак.

За спиной девушки заходил на посадку очередной огромный лайнер. Самолеты всегда казались Матвею рукотворным чудом: то, что такая машина может не только подниматься в воздух, но и перемещаться с огромной скоростью, соединяя города и страны, уже сделалось привычным, но все равно было недоступно его пониманию.

Матвей невольно замедлил шаг, потом и вовсе остановился, глядя на незнакомку. Кто-то толкнул его в спину, но он не обратил внимания. Девушка, в облике которой было что-то неземное, нездешнее; огромные машины, живущие в небе... Во всем этом присутствовало что-то чарующее, волшебное, но вместе с тем тревожное.

«Стоило ли мне соглашаться лететь туда?» — спросил себя Матвей.

Девушка вдруг резко открыла глаза, оказавшиеся прозрачно-зелеными, и посмотрела прямо на него. Подумала, наверное, что он полный придурок или маньяк: стоит посреди зала и пя-

Черные души праведников

лится на незнакомого человека. Матвей смущенно моргнул и отвернулся, заспешил прочь.

За бургер пришлось отдать в несколько раз больше обычной его цены (готовишься взлететь под облака, будь готов к заоблачным ценам!), а на вкус он напоминал картон. Или вкус был обычным, просто у Матвея неизвестно почему испортилось настроение и пропал аппетит.

Он оставил недоеденную булку с мясом на столе, взял стаканчик кофе и отправился обратно к Юлиане. Ему захотелось увидеть ее, поговорить — неважно, о чем, лишь бы обратиться в слова и выплеснуть из себя неизвестно откуда взявшуюся тревогу.

Юлиана уткнулась в планшет — была поглощена чтением и не сразу заметила подошедшего Матвея.

— Чем ты так увлеклась? — спросил он, усаживаясь рядом.

Она отвела взгляд от экрана планшета.

— Статью читаю. Про место, куда мы летим.

— В самом деле?

Юлиана закинула ногу на ногу.

— От нечего делать взяла и набрала в поиске «Плава планина». Вылезла статья в каком-то сербском издании.

— Ты знаешь сербский?

Юлиана снисходительно посмотрела на Матвея.

АЛЬБИНА НУРИ

— Вообще-то уже давно придумали программы-переводчики. Ты не в курсе?

— Не язви, — усмехнулся он. — Так что пишут?

— Туристический комплекс назван так же, как гора, на которой он построен. Ты знал, что Плаву планину — Синюю гору считают проклятым местом?

Ни о чем подобном Матвей не слышал. Да и не собирался заранее читать, собирать информацию: хотел, чтобы восприятие получилось ярким, непосредственным, ничем не замутненным, не навязанным извне. Когда он будет писать статью, то, конечно, изучит весь доступный материал, но поначалу хотелось бы положиться на собственное видение, составить личное впечатление.

Так что же — сказать Юлиане, чтобы замолчала, ничего ему не рассказывала? Так ведь не замолчит. Да ему и самому стало любопытно.

— Что значит — проклятым?

— Перевод, конечно, корявый, но суть понять можно. В тех местах люди не строят домов, не селятся примерно уже лет сто. Давным-давно на горе была большая богатая деревня, но все жители ее вымерли за несколько дней. И с тех пор больше там никто не отваживался жить.

— Мор, наверное. Эпидемия какая-то, — предположил Матвей.

— Не знаю. Может быть. Написано, что вроде поначалу люди снова хотели там поселиться:

Черные души праведников

дома остались нетронутыми, подсобные хозяйства от прежних владельцев, скотина, все такое... Земля хорошая, плодородная, озеро и речка. Но все, кто пытались обосноваться, бесследно исчезали, и попытки прекратились. Люди стали обходить это место стороной. А те, кто случайно оказывались в тех местах, слышали, как по ночам там кто-то не то воет, не то стонет. Говорят, это бродят неуспокоенные души бывших жителей проклятой деревни.

— Все? — Матвей смял стаканчик из-под кофе и выбросил в ближайший металлический бачок.

— Статья небольшая. Но тебе этого недостаточно? Почему твой друг решил строить отель именно в том месте, он не говорил?

Ее тон — напористый, с обвиняющими нотками — раздражал. Кем она себя возомнила? Законной женой? С языка чуть было не слетело что-то вроде «не нравится — можешь возвращаться обратно в Казань, никто не держит!», но Юлиана неожиданно робким голосом проговорила:

— Страшно немножко, да? Отель на месте проклятой деревни!

Это прозвучало по-детски, да она, в сущности, и была почти ребенком — двадцать четыре года, моложе его на восемь лет.

— Не верь всему, что пишут, — улыбнулся Матвей. — Авторитетно заявляю это как журна-

АЛЬБИНА НУРИ

лист с почти пятнадцатилетним стажем. Набрехать можно все что угодно.

Юлиана улыбнулась в ответ и убрала планшет в сумку.

— И потом, комплекс «Плава планина» не обязательно построен именно там. Гора огромная, строиться можно в разных местах.

Она окончательно успокоилась — а может, не сильно-то и волновалась, прислонилась к его плечу и заговорила о чем-то. Матвей не вслушивался, да она и не ждала реакции. В этом смысле с Юлианой было легко: можно молчать, кивать, мычать что-то невнятное, способное сойти за одобрение.

Матвею же теперь никак не удавалось съехать с мыслью о Сине́й горе. Правда, знал ли Эдик историю этого места или нет? Или история — не более чем выдумка?

Эдик позвонил десять дней назад.

— Братишка, выручай! Без тебя никак! Заметь — не за «большое спасибо».

Они были одноклассниками и, давно уже оставив позади школьное прошлое, продолжали не то чтобы близко дружить, но регулярно общаться.

Матвей учился в университете, параллельно работал — с восемнадцати лет писал заметки в газеты и журналы; карабкался по служебной лестнице — от внештатного корреспондента до главного редактора. Наступающий Новый

Черные души праведников

год готовился встретить, будучи руководителем пресс-центра, с хорошей (очень хорошей!) зарплатой и отличными перспективами.

Эдик все эти годы, в сущности, делал только одно: пытался всем вокруг доказать, что стоит чего-то сам по себе, а не вкупе с отцовскими миллионами. Отец сидел возле нефтяного крана, возглавлял крупнейший в Татарстане холдинг и мог обеспечить единственному сыну поистине королевский уровень жизни и безоблачное будущее.

Но у Эдика была причуда: он хотел непременно добиться всего сам. Получалось плохо, и все его «крутые вау-проекты» лопались один за другим. Правда, они и были сомнительного свойства: Эдика, который учился «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь» и ни в одной области нормально не разбирался, кидало в сторону то криптовалют, то детективного агентства, то разработки квест-комнат. Он даже пробовал продюсировать какую-то певичку и писать фантастические романы.

Причем денег у отца старался не просить, влезал в долги и кредиты. Но потом из долговых ям его доставал все-таки папенька.

— Что на этот раз? — устало спросил Матвей, привыкший к закидонам приятеля.

— Знаешь, что я почти год делал?

— Нет, — ответил Матвей и вспомнил, что от Эдика и в самом деле с прошлой зимы не было ни слуху ни духу.

АЛЬБИНА НУРИ

— Строил отель, туристический комплекс в Европе! Брат, уверен, это будет крутейший бомбический проект!

— Где конкретно в Европе?

— В Сербии. Купил там участок.

Ясно. И как только банки решаются связываться с Эдиком? А впрочем, вряд ли они остаются внакладе. Отец всегда все возвращает с процентами.

— Сербия вроде бы не особо популярна в туристическом смысле, — осторожно заметил Матвей. — Там, кажется, горные курорты и еще Бани — вроде наших минеральных вод. Для здоровья полезно, но...

— Ты не понимаешь, это колоссальный потенциал! — перебил Эдик и пустился рассказывать о том, как собирается прилагать все силы для развития туризма на Балканах.

Матвей, не стараясь вникнуть и разобраться, ждал, когда Эдик закончит и перейдет к сути своего предложения.

— Уединенное место, чистый воздух, экология, природа — девственная! Круглый год можно ездить отдыхать. Прикинь — туристический сезон круглый год! Озеро, река, горные лыжи... К концу декабря заедет первая партия туристов, уже есть желающие. И вот тут мне и нужен ты! — Эдик выдержал драматическую паузу. — Я хочу, чтобы ты поехал туда как турист, побыл там дня три — или сколько захочешь!

Черные души праведников

— Я работаю, вообще-то.

— Понимаю, но ты погоди отказываться! Можешь один ехать, хочешь — прихвати подружку. Я все вам оплачу: дорогу, проживание. И еще заплачу за статью. Если честно, хотелось бы серию статей.

Он назвал сумму, и Матвей едва не присвистнул. С финансами у него сейчас все было отлично, однако предложение бывшего одноклассника, что греха таить, звучало заманчиво.

— Ты умеешь, я знаю. Напиши так, чтобы все обалдели и повалили в «Плаву планину».

— Плаву... что?

— С сербского — «Синяя гора». Матвей, братишка, ты же гений журналистики!

Дальше последовал сплошной поток комплиментов и восхвалений. Эдик не скупился, лил елей полными ложками — ему нужно было согласие друга.

— Брат, ты знаешь, как для меня это важно. Не отказывайся, — закончил он и стал ждать ответа.

Матвей в любом случае планировал в конце декабря ехать в Москву. Оттуда можно и в Сербию улететь. Дня четыре на все, подгадать, чтобы выходные захватить... Почему нет? Отдохнуть немного, еще и денег зарекомендовать.

В общем, Матвей согласился, и Эдик был на седьмом небе от счастья. Матвей, в общем-то, тоже был доволен. До настоящего момента. Что-

АЛЬБИНА НУРИ

то свербело, грызло изнутри, не давало покоя. Еще статья эта... Знал Эдик, где строит свой чудо-отель, или нет?

Матвей вспомнил — или ему только показалось, что вспомнил, а на самом деле просто выдал желаемое за действительное? — что Эдик, когда они встретились через день, вел себя немного странно. Нервничал и суетился больше обычного, и в глаза старался не смотреть. Но Эдик всегда напоминал заводную куклу на шарнирах: размахивал длинными руками, вертел головой, притопывал, прихохатывал, много говорил.

В тот раз всего этого было еще больше... Или нет?

А если все же было, то что тому причиной?

Приятелю было что скрывать или он просто боялся, что очередная затея окажется провальной, убыточной и ему снова придется расписываться в собственной несостоятельности?

Матвей чертыхнулся сквозь зубы, и Юлиана отстранилась от него, поглядела удивленно. Он успокаивающе погладил подругу по щеке и тут увидел ее. Космическую незнакомку в белом.

Девушка вышла откуда-то справа и остановилась неподалеку. Похоже, они летят одним рейсом. Удивительное совпадение.

Матвей с блондинкой встретились взглядами, и он почувствовал, что краснеет.

— Ты чего на нее уставился? — ревниво спросила Юлиана.

Черные души праведников

— Прекрати. Ни на кого я не уставился, — огрызнулся он, чувствуя себя глупым подростком.

К счастью, в этот момент наконец-то объявили их рейс.

ГЛАВА 2

В ад вроде бы спускаются, а он, наоборот, поднимался. Потому что для него настоящим адом были перелеты. Небо — бескрайняя бездна; нет опоры, нет поддержки. Иван Александрович ненавидел самолеты, терпеть не мог летать, но делать это время от времени приходилось.

В салоне он оказался одним из первых. Место у него было заранее забронировано — возле иллюминатора, в центре салона. С самого утра Иван Александрович ничего не ел — боялся, что будет тошнить при взлете, такое нередко с ним бывало, и теперь живот подводило от голода. Он привык завтракать в восемь утра: организм требовал свое.

Вещей у него при себе было немного. Он засунул на полку теплую куртку и небольшую сумку, пристегнулся ремнем, хотя и знал, что делать это еще рано. Старая сумка из мягкой коричневой кожи была своего рода талисманом: он много десятилетий подряд брал ее во все поездки — и служебные, и в отпуск. Когда у сумки оторва-

АЛЬБИНА НУРИ

лась ручка, он отнес ее в ремонт, и мастер поглядел удивленно: зачем ремонтировать эту рухлядь, платить лишние деньги? Куда практичнее и выгоднее купить новую качественную вещь!

Да, выгоднее, но для Ивана Александровича вопросы выгоды всегда были вторичны. Жена, которая умерла три года назад, называла его старым романтиком. Они были невероятно близки, может, потому и бездетны, и когда Соня ушла, Ивану Александровичу показалось, что часть его души ушла с нею вместе и теперь блуждает где-то. От этого жизнь стала казаться зыбкой и нереальной. Пугающе нестабильной.

Места рядом с Иваном Александровичем заняла чернокожая семья: мужчина с мощным торсом, женщина с торчащими в разные стороны жесткими волосами-спиральками и малышка лет трех, которая казалась уменьшенной копией матери.

Отец семейства долго запихивал вещи на полку. Яркая детская курточка не желала лежать как полагается и норовила свалиться, но на невозмутимом черном лице не было ни малейшего следа досады. Пристроив все вещи, мужчина уселся рядом с женой, которая держала на коленях дочку, и обратился к Ивану Александровичу по-английски:

— Привет!

«Сейчас он попросит уступить им место возле окна, — с тоской подумал Иван Александро-

Черные души праведников

вич. — Придется объяснять, что я не могу лететь ни на каком другом месте, а он не поймет, потому что мой английский ужасен. Нужно будет звать стюардессу...»

Он не успел додумать, как сосед договорил:

— Вы не знаете, во сколько взлетаем?

От облегчения Иван Александрович засуетился, заулыбался. Ответил, что через десять минут. Хотя вопрос был странный: на руке мужчины блестели часы с огромным циферблатом.

По проходу прошла девушка в белом меховом пальто. Иван Александрович заметил ее еще в зале аэропорта. В облике девушки было что-то инопланетное, но вместе с тем — знакомое. Он понял почему: она была немного похожа на юную Соню. Девушка прошла дальше и пропала из виду.

Забавно будет, если она тоже едет в «Плаву планину».

Хотя чем тут забавляться... Слова «забавно» и «Плава планина» никак не могли стоять рядом в одном предложении. Иван Александрович до сих пор не мог поверить, что решился на эту поездку.

Но останавливать его было некому. К тому же он знал, что не сможет не поехать. Иван Александрович долго ждал момента, когда ему нужно будет отправиться в этот путь, и когда время настало, смирился с неизбежным.

Но смириться — не значит успокоиться. Каждая жилка в его теле дрожала, каждый нерв

АЛЬБИНА НУРИ

вопил: «Беги! Сойди с самолета и возвращайся назад!»

Самолет медленно поплыл по взлетной полосе. Все, теперь уж ничего не изменить. Было много шансов не попасть на этот рейс, но Иван Александрович не воспользовался ни одним из них.

Когда шасси оторвались от земли, он почувствовал, как заложило уши, к горлу подступила знакомая тошнота.

— You okay? — участливо спросила чернокожая женщина, и Иван Александрович через силу улыбнулся.

«Плава планина не отпустит меня, — подумал он. — Я лечу умирать. А в остальном все просто замечательно».

Стюардесса, стоя в начале прохода, объясняла пассажирам, как надевать кислородные маски. Иван Александрович был, наверное, единственным человеком в самолете, который ничуть не боялся ни аварии, ни падения лайнера, ни разгерметизации салона — его страх был иного свойства. Если бы он поделился своими мыслями с кем-то, люди бы не поняли. Ни один нормальный человек в двадцать первом веке не станет бояться того, что пугало Ивана Александровича.

Спустя некоторое время он жевал принесенный стюардессой бутерброд, запивая его яблочным соком. Тошнота давно прошла, и чувство-

Черные души праведников

вал он себя вполне сносно. Правда, ногам было неудобно. Иван Александрович знал, что скоро затекишие от сидения в не самой удобной позе мышцы заноят.

Покончив с ланчем, он взял один из журналов, что предлагались пассажирам, начал листать. Картинки мелькали перед глазами, но Иван Александрович почти не видел то, на что смотрел. Девочка, которая сидела на коленях у матери, пролепетала что-то, указывая пухлым пальчиком на пестрые страницы.

Ему вдруг вспомнилось, как они с матерью сидели в коридоре больницы в ожидании очередного обследования. Сколько их было — очередей, больниц, докторов... Никто не смог помочь. Излечиться полностью так и не получилось, и все же Иван Александрович был благодарен судьбе, что стадия его болезни была не самой сильной. Болезнь пощадила мозг, речевой центр, руки, поэтому то, что ему приходилось ходить, приволакивая ноги, казалось почти благословением.

Детский церебральный паралич ставит ребенка особняком от других детей. То, что остальным давалось легко и играючи, от него всегда требовало усилий.

— Зато ты самый смышленный! — говорила мама. — Никто не сможет убежать ногами туда, куда мой сын летит мыслями!

АЛЬБИНА НУРИ

Она всегда гордилась им, всегда поддерживала. И отец тоже. Иван Александрович старался не подводить их, день за днем доказывая всему миру, что они не ошибаются в нем. Школа с золотой медалью. Зачисление в университет, сессии на одни пятерки. Лучший студент, самый перспективный аспирант. Кандидатская, докторская.

— Мы гордимся тобой, Иван! О таком сыне мечтает каждый отец, — сказал папа на ужине, устроенном в честь защиты докторской диссертации.

А потом они с матерью погибли: стариков, переходящих улицу, сбил пьяный лихач. Мир вновь, в очередной раз показал, как он жесток и несправедлив. И сопротивляться этому бесполезно.

К счастью, у Ивана Александровича оставалась Соня: жена всегда примиряла его со злом и хаосом. Однако ушла и она — и теперь он летел им навстречу.

Иван Александрович опустил журнал на колени и прикрыл глаза. Разница во времени у Москвы и Белграда — два часа. Ты вылетаешь в десять, находишься в полете чуть меньше трех часов. Приземляешься — а на часах одиннадцать, уже по местному времени. Настоящий полет в прошлое: двигаясь вперед, ты оказываешься в уже оставленной тобой точке бытия.

Черные души праведников

Стараясь заснуть, Иван Александрович точно знал, что не получится. Он весь был как пружина, как туго натянутая тетива лука. Напряжение не отпускало, какой уж может быть сон.

Плава планина... Иван Александрович кропотливо собирал информацию об этом жутком месте задолго до того, как какой-то российский бизнесмен решил построить там туристический комплекс. До появления Интернета найти доступ к сербским газетам и другим иностранным СМИ было сложно. Но все же он делал это — по крупицам, по крохам собирал данные. Потом появились электронные издания, группы в соц-сетях — и наблюдать стало проще.

Редко, порой раз в пять-десять лет, но Плава планина выплывала из небытия. И каждый раз новость касалась одного и того же: исчезновения людей. Забредшие случайно путники, безбашенные туристы, привлеченные нереальной красотой пейзажей, авантюристы, возжелавшие поселиться в живописном месте, дальние родственники умерших жителей, явившиеся за наследством, — всех их объединяло одно.

Они отправлялись на Синюю гору и бесследно исчезали. Больше никто никогда не видел их, понятия не имел, что с ними стало. Поиски ни к чему не приводили, впрочем, Иван Александрович сомневался, что местные власти сильно утруждались расследованием. Им-то все было ясно, недаром через все статьи и заметки реф-

АЛЬБИНА НУРИ

реном шла фраза: «неоднократно предупреждали, что Плава планина — опасное место, куда не стоит ходить».

Но незнакомцы, желающие испытать судьбу, только смеялись: они не верили в выдумки, рассказанные старожилками.

Когда Ивану Александровичу попалась на глаза статья о том, что некто купил землю и собирается строить туристический комплекс, он сразу понял, что это иностранец. Никому из местных, да и вообще сербу в голову не пришло бы тревожить Плавую планину и то, что на ней обитает.

Несколько месяцев Иван Александрович с замиранием сердца следил за тем, как продвигалась стройка. Все шло наперекосяк. Зная, что сербы — одни из лучших строителей в Европе, Эдуард Шавалеев попытался нанять строителей из местных.

Однако попытки не увенчались успехом: большинство местных строителей наотрез отказывались даже приближаться к «проклятой горе», как окрестило Плавую планину одно издание; остальные готовы были работать только до захода солнца и не желали ночевать на месте стройки, а привозить — увозить рабочих казалось бизнесмену бессмысленным расточительством.

В итоге Шавалееву пришлось пойти на уступки и найти более или менее приемлемый

Черные души праведников

вариант. В качестве рабочей силы привлекли приезжих, руководили стройкой сербы, но и те и другие работали только до темноты и уезжали ночевать в соседний городок. По этой причине строительство продвигалось медленно и закончилось совсем недавно.

А теперь вот Иван Александрович, человек, на которого одно только название «проклятой горы» наводило ужас, летел туда в качестве туриста. Гостя.

Нужно пройтись, размяться, решил он. Поднялся со своего кресла, неуклюже протиснулся мимо соседей. Девочка спала, и Иван Александрович позавидовал ее безмятежности. Мать малышки тоже дремала, но сразу открыла глаза. Ее муж читал книгу. Оба они почти одновременно, как по команде улыбнулись. Мужчина встал, чтобы старику было легче пройти, и Иван Александрович виновато сморщился, чувствуя себя как никогда дряхлым, больным, беспомощным.

Ступая враскоряку, он двинулся по проходу. Стюардесса вежливо предложила помощь, но Иван Александрович отказался. Зайдя в узкую кабинку, долго плескал в лицо водой, стараясь успокоиться, дышать ровнее.

«Еще ничего не случилось, а ты уже дергаешься, как нервная барышня!» — сказал он себе, но самоирония не помогла. Неожиданное успокоение принесла другая мысль: если плохому сужде-

АЛЬБИНА НУРИ

но случиться, оно случится. Причем совсем скоро. Он всегда, даже будучи совсем маленьким, встречал трудности и беды с достоинством, так пристало ли терять лицо в семьдесят семь лет?

Иван Александрович вытер руки бумажным полотенцем и вышел.

Когда он направлялся обратно к своему креслу — куда более твердой и решительной походкой! — навстречу ему попался мужчина лет тридцати пяти, чье лицо показалось знакомым.

На мужчине был серый свитер грубой вязки и черные джинсы — вещи явно дорогие, но не кричащие, без вычурности. Молодой человек посмотрел на старика, и Ивану Александровичу понравился этот взгляд — прямой и спокойный, без тени жалости или брезгливости. Мужчина улыбнулся, посторонившись, и пропустил Ивана Александровича.

Усаживаясь на свое место, он вспомнил, откуда знает этого человека. Мужчину звали Матвеем Сухих, он был известным в Татарстане журналистом, не боявшимся поднимать острые темы.

Материалы Матвея были отлично написаны, он работал редактором популярной газеты, вел колонку в журнале и авторский блог, который Иван Александрович всегда с интересом читал.

Интересно, куда он летит? У Сухих дела в Белграде или еще где-то в Сербии? Но сердце подсказывало: это не так. Журналист держит путь туда же, куда и сам Иван Александрович.

Черные души праведников

Плава планина, «проклятая гора», позвала и его.

Хотелось бы знать почему.

ГЛАВА 3

По сравнению с аэропортом Шереметьево Белградский аэропорт оказался просто крошечным. Вера Ивановна впервые за пятьдесят девять лет попала за границу, и ей казалось, что все тут будет, как в кино или на картинке в глянцевом журнале, бурлить, переливаться огнями и вообще всячески поражать воображение красотой и размахом.

От обыденности и простоты увиденного ее не то чтобы охватило разочарование, но чувство беспокойства, которое жило в ней с того момента, как они с мужем сели в поезд до Москвы, усилилось.

Супруги забрали с ленты свой багаж, прошли по «зеленому» коридору. Вера Ивановна со смущением вспомнила, как в Шереметьево она боялась пройти по нему и все уговаривала мужа уточнить, не нужно ли им все-таки пройти через «красный».

— Я читала, что если они вдруг обыщут и найдут что-то запрещенное, то потом не докажешь, что ты не знал! Снимут с рейса или еще что похуже!

АЛЬБИНА НУРИ

Борис Семенович закатывал глаза, еле сдерживая крепкое словцо.

— Ты что, наркотики везешь? Или яйца Фаберже?

— Как будто только это запрещено! Ты-то откуда знаешь, как это бывает?

Крыть мужу было нечем: он тоже впервые летел за рубеж, так что Борис Семенович сдался, и они пошли одолевать таможенницу, которая скучала на входе в «красный» коридор. Несмотря на неприступный вид, оказалась она женщиной понимающей, немного моложе их с Борисом Семеновичем. Объяснила, что все в порядке, ничего им декларировать не нужно, и отпустила с миром.

Вера Ивановна знала, что человек она нервный, непростой. Может, сказывалась профессия: всю жизнь, до самой пенсии, проработала в бухгалтерии. Дело свое знала назубок, но постоянно боялась ошибиться. Не ошиблась ни разу, за что и была награждена многочисленными грамотами и даже удостоена звания «Ветеран труда».

Она постоянно сомневалась, страхи и волнения одолевали Веру Ивановну ежеминутно, и это раздражало ее мужа, человека прямого и основательного. Решение полететь в Сербию, отдохнуть на курорте под странным, но красивым певучим названием «Плава планина» далось ей непросто, и даже уже оказавшись в купе поезда, Вера Ивановна мучилась от сознания того, не совершили

Черные души праведников

ли они ошибки, могут ли себе позволить зарубежный отдых — в их-то положении.

— Мам, ну в каком положении! — восклицала дочь Люся. — Вы оба на пенсии, торопиться некуда. Всю жизнь пахали, как рабы, можно отдохнуть или нет? Что тут думать-то?

Путевку подарила им дочь. Вернее, она выиграла поездку в горы на двоих и решила отправить туда родителей.

Люся вообще обладала уникальной везучестью. Удачливость была ее частью, как цвет глаз, рост или тембр голоса. Однажды, еще будучи девятнадцатилетней студенткой, она ехала в автобусе и увидела в окно огромную очередь.

Вышла, пристроилась в хвост и узнала, что какая-то компания проводит розыгрыш холодильника в честь открытия нового магазина. Тянешь бумажку — и узнаешь, повезло или нет. Пока никому не везло. Люся мало того что умудрилась протиснуться за считанные минуты вперед, хотя народ стоял, плотно сомкнув ряды, так еще и вытащила заветный выигрышный номер.

В общем, Люсе в очередной раз повезло, и она поделилась счастьем с родителями. Отец, который только-только вышел на пенсию (повезло с годом рождения, еще бы чуть-чуть — и заветный рубеж отодвинули в связи с повышением пенсионного возраста), неожиданно горячо поддержал идею поездки на отдых, и Вера Ивановна сама не заметила, как начала метаться в поисках

АЛЬБИНА НУРИ

приличного чемодана и одежды для заграничной поездки. Путевка досталась бесплатно, дорогу из Казани до Москвы и обратно оплатила дочь, но все равно пришлось распотрошить кубышку.

— А вдруг мы его не найдем? — спросила она.

— Кого? — отозвался Борис Семенович. — Водителя? Так ведь он будет табличку... Ага, вот и он!

Они поспешили к широкоплечему высокому мужчине лет пятидесяти, который сжимал в руках листок с надписью: «Плава планина». Возле него уже топталась небольшая группа людей.

«Слава богу!» — подумала Вера Ивановна, увидев, что люди, с которыми им предстоит отдыхать, выглядят вполне прилично.

— Здравствуйте, — поздоровалась она со всеми сразу, и они заулыбались, закивали в ответ, а водитель, которому предстояло погрузить всех гостей в автобус и отвезти в отель, рокочущим басом проговорил:

— Добар дан!

— Все в сборе? — спросил молодой человек в свитере и джинсах, на руке которого повисла симпатичная девушка. — Можем выдвигаться?

Водитель обернулся к нему.

— Шестнаест, — сказал он.

Видимо, понимал по-русски, но говорить не мог.

«Ничего себе, а как же мы будем общаться?» — подняло голову беспокойство.

Черные души праведников

— Нас должно быть шестнадцать, — пояснил пожилой седой мужчина интеллигентного вида, в очках в тонкой золотой оправе.

Вера Ивановна заметила его еще во время посадки на самолет: он приволакивал странно вывернутые ноги. ДЦП, сразу поняла она, и прониклась к мужчине сочувствием.

— Одного человека не хватает. Думаю, придется подождать.

— Вы знаете сербский? — спросила девушка, которая сопровождала молодого мужчину в свитере.

Старик открыл рот, чтобы ответить, но не успел. Молодая женщина несколько вызывающего вида в белой шубке, увешанная серебряными украшениями, проговорила:

— Не надо никого ждать. Он не придет.

Голос у нее оказался мелодичный и звучный, как у певицы. Вере Ивановне стало жалко светловолосую девушку: тут к гадалке не ходи, и так ясно, что она говорит о своем парне или женихе. Вон как губки поджала.

Пожилой мужчина, которого Вера Ивановна про себя окрестила «Профессором», сказал что-то водителю, и тот улыбнулся, сделав всем знак следовать за собой.

Их небольшая группа вышла из здания аэропорта, и тут Вера Ивановна впервые осознала, что они попали в южную страну. После казанских и московских морозов, снегов и метелей

АЛЬБИНА НУРИ

она словно очутилась опять в октябре. Небо хмурилось, грозя разразиться дождем, было ветрено, но снега не было, мороза и подавно, так что ее теплый пуховик с меховой оторочкой оказался неуместен.

— Конец декабря, а тут такая теплынь, — сказала она.

— В горах, наверное, есть снег, — предположил муж.

Путешественники погрузились в белый микроавтобус. Их с мужем и Профессора пропустили первыми, из уважения к возрасту — они были самыми пожилыми среди всех.

Детей не было, кроме девочки-подростка лет четырнадцати-пятнадцати, но ее ребенком назвать язык не поворачивался. Высокая, полноватая, с подведенными синим карандашом глазами, жгуче-черными волосами и вполне оформившейся фигурой, она постоянно жевала жвачку и слушала что-то, нацепив наушники. Девочка ехала с родителями, и Вера Ивановна подумала, что им небось нелегко было уговорить дочь отправиться в семейную поездку.

Профессор взял на себя роль переводчика. Он сел рядом с водителем и, когда все угнездились на своих местах, сказал:

— Нашего провожатого зовут Драган, он довезет нас до... — тут он слегка запнулся, — до туристического комплекса. Там нас должны встретить и расселить по домикам.

Черные души праведников

В этом, как говорилось в рекламном проспекте, была изюминка нового курорта. Не одна многоэтажка на всех — улей с комнатами-сотами, а свой, отдельный коттедж для каждого. Величина и благоустройство коттеджа зависят от пожеланий и финансовых возможностей гостя. Есть скромные, небольшие, а есть шикарные люксы.

Все это отлично, вот только никакой особой новизны, по мнению Веры Ивановны, в затее не было. Раньше в России строили базы и дома отдыха, и они с мужем в молодости часто ездили туда отдыхать — и вдвоем, и с дочкой. И тоже жили в отдельном домике, а готовили на общей кухне или ходили в столовую. Правда, никаких люксов не предполагалось: обстановка самая что ни есть спартанская.

Между тем автобус тронулся с места, выехал с территории аэропорта. Мимо потянулись поля, плоская равнина без намека на горы. То и дело они заезжали в поселки и деревеньки, дома в которых были совсем не похожи на те, что строили на родине, в России; иногда пересекали мостики, перекинутые через речки.

— Ехать будем примерно четыре часа, — переревел Профессор слова Драгана. — Можно поспать после перелета.

Водитель включил негромкую музыку, и приятный мужской голос запел на незнакомом языке. Дочь перед поездкой сказала Вере Ивановне, что сербский — точь-в-точь как русский,

АЛЬБИНА НУРИ

но, судя по всему, была неправа. Вере Ивановне удавалось разобрать лишь отдельные слова, а общий смысл ускользал. Зато надписи на зданиях в поселках читались легко и были понятны сразу: «Апотека», «Продавница», «Пекара», «Кафана».

Профессор предложил познакомиться, и все пассажиры один за другим послушно назвали свои имена. Вера Ивановна с мужем тоже назвались, но запомнить, как кого зовут, не получилось. Слишком много имен и лиц. В памяти осталось только имя Профессора — Иван Александрович, да грустной девушки в белом, которую звали Ольгой.

Поселки сменяли друг друга, перемежались гектарами полей. Поначалу Вера Ивановна старалась рассмотреть окружающий пейзаж, но вскоре устала от его однообразия и задремала.

А когда проснулась и поглядела в окно, не поверила своим глазам. Показалось, будто она попала совсем в другую страну. Никаких полей, долин, речушек и поселков больше не было.

Узкая дорога ввела в горы, с каждым поворотом поднимаясь все выше. С правой стороны тянулся отвесный склон, сплошь покрытый деревьями и кустарниками, с левой — обрыв, на который было страшно смотреть.

Иногда вместо кручи взору открывались более или менее широкие площадки, но за ними таилась все тот же обрыв, и сердце Веры Ивановны

Черные души праведников

замирало при мысли о том, что будет, если водитель окажется недостаточно осторожен.

— А вдруг навстречу поедет другая машина? — вполголоса спросила она.

— Проснулась? — Муж, видимо, так и не сомкнул глаз. Он не мог спать в дороге — ни в поездах, ни в самолетах, ни в автомобилях.

— Как мы разъедемся? — настаивала Вера Ивановна.

— Да уж как-нибудь, — ответил Борис Семенович. — Видишь же, дорога в некоторых местах расширяется, там можно разминуться.

— Придется же пятиться задом, и...

— Перестань, — оборвал он. — Дорога отличная. Водитель аккуратный, опытный, не гонит, не лихачит. И за все время, что мы едем в гору, ни одна машина не попала навстречу. За нами тоже никто не едет, так что успокойся.

Муж, видимо, и впрямь рассчитывал этими словами успокоить ее, но вопреки его намерению Вере Ивановне стало еще тревожнее. Они едут и едут (и сколько уже проехали, пока она спала!), забираются все дальше, поднимаются на такую высоту и, видимо, будут там совсем одни.

А вдруг произойдет что-то непредвиденное — пожар, например? Кто-то заболеет или поранится? А если начнется снегопад или какой-то природный катаклизм — как помощь доберется до них?

АЛЬБИНА НУРИ

— Который час? — спросила она, чтобы как-то отвлечься от пугающих мыслей.

— По местному времени почти три пополудни. Часа через полтора-два стемнеет, но мы успеем до темноты. Еще немного осталось.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Автобус вдруг остановился.

— Смотровая площадка, — странным, каким-то механическим голосом объявил Иван Александрович. — Отсюда открывается изумительный вид. Кто-нибудь хочет выйти, посмотреть и пофотографироваться?

Желание изъявили почти все, кроме Профессора, которому, вероятно, тяжело было залезать и вылезать.

Драган и Иван Александрович не солгали: от открывавшейся перед ними панорамы захватывало дух. Замершие от восторга путешественники столпились на ровной, ничем не огороженной квадратной площадке, а далеко внизу раскинулась, как показалось Вере Ивановне, вся Сербия.

Виднелись ровные прямоугольники полей, причудливые линии дорог, небольшие перелески, домики под красными крышами. Предзакатное солнце, выглянувшее из-за облаков, заливало все вокруг теплым жидким золотом.

— Надо же! Никогда ничего подобного не видела! — восхитилась Вера Ивановна.

Черные души праведников

Скоро, правда, солнце спряталось за тучу, стал накрапывать дождик, и туристы, опасаясь промокнуть, юркнули обратно в автобус.

Они расселись по местам и снова покатали вверх. Стоя на площадке, Вера Ивановна полагала, что они уже почти добрались до вершины, но, как выяснилось, ошиблась. Автобус упорно полз вперед, взбираясь на самую вершину Синей горы. Дорога становилась все уже, обрыв — все отвеснее.

«Быстрее бы уже приехать! — мысленно взмолилась Вера Ивановна, чувствуя подступающее головокружение, и спустя пару минут, словно услышав ее просьбу, Профессор возвестил:

— Драган сказал, за следующим поворотом — наше место назначения.

Голос у него был все такой же неестественный, неживой. Что с ним творится? Может, плохо себя чувствует, устал?

Еще через минуту путешествие наконец-то завершилось. Автобус плавно притормозил, и двери открылись.

ГЛАВА 4

Асфальтированная дорога заканчивалась у въезда на территорию туристического комплекса. Гости оказались почти на самой вершине Синей горы. Еще выше вела узкая колея,

АЛЬБИНА НУРИ

человек при желании подняться на самый пик смог бы, автомобиль — нет.

С трех сторон «Плаву планину» окружали скалистые склоны, сплошь покрытые густым лесом. С одной стороны огромная территория комплекса оканчивалась обрывом, огороженным невысоким заборчиком, к краю которого и подойти было страшно.

Дамир вышел из автобуса, волоча за собой сумки. Потоптался, разминая затекшие ноги. Спина, как говорила в таких случаях жена, разламывалась, и он знал, что без обезболивающего сегодня не заснет. Сначала трехчасовой перелет, потом долгая поездка в автобусе... Он потерял поясницу, и Света бросила в его сторону озабоченный взгляд.

— Больно?

— Терпимо, — соврал он.

«По крайней мере, куда лучше, чем этому бедолаге», — подумал Дамир, глядя на Ивана Александровича. Старик еле-еле ковылял, бледное лицо покрылось испариной.

Они вышли одними из первых и ждали, пока остальные покинут салон автобуса. Диана лениво перекаtywала во рту жвачку и озиралась по сторонам. В больших, чуть навыкате, как и у Светы, карих глазах — ни капли интереса к происходящему. Как можно быть такой юной, но уже настолько уставшей от жизни, что ничто не способно тебя удивить или обрадовать?

Черные души праведников

Дамир почувствовал, как к горлу подкатило знакомое раздражение, и отвернулся от дочери. Куда подевалась милая, ласковая малышка с доверчивым взглядом и широкой улыбкой? Подросших детей любить сложнее. Он, конечно, как любой нормальный отец отдал бы жизнь, защищая Диану, но разрази его гром, если он понимал, чем живет его дочь, что творится в ее голове.

Откуда взялось это выводящее из себя сознание собственного превосходства над всеми? Это высокомерие, ленца во взгляде, манера кривить рот в презрительной усмешке и цедить слова сквозь зубы?

Но если до общения с ним дочь еще время от времени снисходила, то к бедной Светлане и вообще относилась как к существу низшего порядка. Мать, по ее мнению, не так одевалась, не так красилась и не так вела себя, не тем была занята в жизни. И все это безапелляционным тоном высказывалось в лицо.

Дамир пробовал делать замечания, выговаривал дочери за грубость, но никакого воздействия это не возымело. Возможно, потому, что он и сам во время ссор, которые стали уже привычными, бросал в лицо Свете примерно то же самое.

Вдобавок жена, за которую он пробовал вступаться, немедленно вставала на сторону обожаемой дочери и начинала ругаться с ним! Абсурд — и вся их жизнь, и эти нездоровые отношения.

АЛЬБИНА НУРИ

Впрочем, что во всем этом удивительного? Не может ребенок вырасти добрым, внимательным, чутким, как минимум адекватным в семье, где родители то и дело срываются друг на друга, живут параллельными жизнями.

Дамир надеялся, что совместный отпуск пойдет им всем на пользу. А если формулировать предельно честно, то решил: если тут, вдали от рутинной жизни, наедине друг с другом, когда ничто не отвлекает и не мешает, они не смогут сблизиться, найти общий язык, то он подаст на развод. Оставит жене квартиру, благо есть возможность купить себе жилье, и уйдет.

Пусть Светлана в кои-то веки сама позаботится о том, чем заполнить холодильник и как вовремя заплатить за коммуналку. Пусть подойдет к зеркалу и сама у себя попросит денег на новые туфли и маникюр.

«А Диана? С кем останется она?»

Дамир покосился на дочь. Она в том возрасте, когда ребенок сам вправе выбирать, с кем из родителей хочет жить. Ладно, зачем загадывать. Пока, в общем-то, о разводе речи не шло.

Из автобуса вышла последняя пассажирка — экстравагантная, коротко стриженная блондинка в белой шубке нараспашку. Поглядела вокруг с таким видом, как будто не понимала, как сюда попала. Красивая, подумалось Дамиру, но с лица воду не пить. Светлана в юности тоже была хо-

Черные души праведников

роша, как картинка, но это не помешало им отдалиться, охладеть друг к другу.

— Я полагаю, кто-то должен нас встретить? — громко спросил высокий, на голову выше самого Дамира, мужчина, рядом с которым стояла молоденькая хорошенькая девушка.

Дамир вспомнил, что у парня необычная фамилия, а зовут его, кажется, Матвеем. Помимо воли он ощутил что-то похожее на зависть. У этого типа, скорее всего, нет проблем в общении с девушками. Если что-то пошло не так с одной, всегда можно переключиться на другую.

Хромоногий старик вполголоса говорил о чем-то с водителем, которого звали мудреным незапоминающимся сербским именем. Он вышел из автобуса вместе со своими пассажирами.

Все остальные тоже переговаривались со своими спутниками — все, кроме стоящей в стороне блондинки, которой говорить было не с кем. Но она, судя по отрешенному виду и застывшему взгляду, похоже, и не страдала от недостатка общения.

— Драган говорит, что у него были указания довести нас до места, а теперь он должен ехать обратно, чтобы успеть до темноты.

В подтверждение этих слов водитель улыбнулся, помахал рукой, готовясь забраться в автобус, и сказал что-то еще.

— Он говорит, что привозил сюда работников комплекса. Некоторые добрались самостоя-